

Е. И. Ергеева
аспирант кафедры философии естественных факультетов
философского факультета
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

ПРОГУЛКИ ПО ГОРОДУ: ВЕЧНОЕ В ПОВСЕДНЕВНОМ (АНАЛИЗ ОПЫТА)

В современном обществе, характеризующемся тенденциями дегуманизации и унификации, отрывом человека от корней, особенно остро возникает проблема идентичности человека. На неразрывность идентичности и памяти указал внимание Дж. Локк, который писал, что когда мы «теряем из виду свое прошлое «Я», тогда возникает сомнение, являемся ли мы тем же самым мыслящим существом, т. е. той же самой субстанцией, или нет» [7, с. 155].

Концепты памяти и идентичности становятся ключевыми в дискурсе современного социокультурного знания и философии. И поскольку философия конца XIX века «вышла из кабинетов» и обратилась к практической стороне жизни человека, предпринимаются попытки осмыслить данные концепты через практики повседневной жизни, такие как прогулки, чтение, фотография, мода: «Память работает не только «в голове», – она распространяется в практиках, вещах, телах и взаимодействиях с другими – это сенсорный и аффективный опыт» [8].

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить роль такой разновидности практик, как прогулки, в актуализации стихии памяти в ее связи с идентичностью современного человека.

В связи с целью выделим основные задачи:

- рассмотреть генезис формирования интереса философии к практикам прогулок;
- проанализировать опыт практик прогулок в философии В. Беньямина, М. де Серто и Т. Ричардсон;
- выявить взаимосвязь между практиками прогулок и памятью человека.

Интерес к пространству обитания человека возникает в философии еще со времен античности. Платон изучал, каким должно быть идеальное государство. Впоследствии будет сформирована целая традиция философии утопизма, для которой характерно отождествление города и государства (Т. Кампанелла «Город солнца»).

В XVII веке вопрос о пространстве как таковом приобретает острое значение в связи с интенсивным развитием естествознания. Рене Декарт рассматривает пространство как один из атрибутов материи, в частности протяженность. Таким образом, человек соприкасается с пространством лишь как протяженная субстанция, но не как мыслящая. Иначе говоря, пространство существует как некий изначально заданный план, который не оставляет места онтологическим и эмоциональным привязанностям человека.

В XVIII веке философы-просветители хотя и обращаются к рассмотрению прогулок, делают это исключительно в литературной форме, не подвергая философской рефлексии; более того, выделяется своеобразный поджанр «прогулок», примером которого можно считать “Promenade du sceptique, ou les Allees” (1747) Д. Дидро, хотя ключевым в данном произведении становится не сама прогулка, а спор между представителями деизма и атеизма. В 1776–1778 годы Ж.-Ж. Руссо пишет «Прогулки одинокого мечтателя», которые представляет собой описание моментов автобиографии автора, моментов его жизни, достопримечательностей и растений, которые он видел во время прогулок по Парижу. В русской литературе наиболее ранним автором текстов-прогулок был М.Н. Муравьев. Прогулка у него становится самоцелью, выступает как нечто непреднамеренное, где есть черты как природного, так и городского: «Третьего дня был очень приятный день, утро свежее и прохладное, украшенное самым ясным небом. <...> Движение, прохлада, дружеский разговор, которым пользовались и разум, и сердце, составляли для нас удовольствие, которое трудно описать. Сердце мое наполнилось нежнейшего благожелательства к людям. Никогда не чувствовал я столько, что все люди братья. <...> Сие многолюдство <...> услаждало воображение

наше. Мы чувствовали удовольствие существовать во множестве» [11, с. 592]. Этот небольшой фрагмент указывает на природные аспекты, являющиеся значимыми составляющими хорошей прогулки, и на переживания, испытанные от ощущения единства с другими людьми, от ощущения сопричастности миру. Таким образом, прогулка становится не праздным отлыниванием от дела, она является тоже делом, но делом внутренней душевной жизни.

В конце XIX века неклассическая философия акцентирует антропологическую проблематику, а абстрактный надындивидуальный субъект уступает место конкретному человеку с его индивидуальными заботами и переживаниями (В. Дильтей, Г. Зиммель, Ф. Ницше). В данной связи формируется интерес к месту обитания человека, в частности к городу (М. Вебер, Г. Зиммель). Возникают предпосылки к рассмотрению человека в пространстве повседневности. Возрастает интерес к микромиру и практикам, сопровождающим человека в данном микромире. Изменяется сама «техника взгляда» на реальность, что позволяет вовлечь в поле зрения исследователя такие явления обыденной жизни, как прогулки, чтение, разговор. В гуманитарных исследованиях вслед за т. н. лингвистическим поворотом следует визуальный поворот – когда историческая и социокультурная реальность переосмысливается с позиций образов, основанных не на логике, а на чувственном восприятии.

Одним из тех, кто начал «выводить философию из кабинетов на улицы», стал В. Беньямин. Само обращение к теме городского пространства и стремление сделать ее предметом философской рефлексии можно считать неклассическим элементом философии В. Беньямина. Если Г. Зиммель строит свою урбанистику на противопоставлении индивида и социума и обращает внимание на то, что капиталистические формы управления людьми «обесцвечивают» их и разобщают и только через разобщенность можно обрести свободу, то В. Беньямин обращается к понятию «коллектив». Прежде всего, именно В. Беньямину принадлежит популяризация термина «фланер» (от фр. слова “flaneur” – «праздно шатающийся», «гуляющий», «бродячий»). Появление самого термина датируется XVII–XVIII веками, а первые попытки в его осмыслении принадлежат писателям и поэтам – Оноре де Бальзаку, Альфреду де Мюссе, Шарлю Бодлеру.

Фланер занят тем, что изучает прохожих по внешнему виду и походке, облику, а сам город рассматривается как открытая книга, которая открывает для него новые и интересные сюжеты, потому для прогулок он всегда выбирает оживленную улицу. Однако прогулка фланера в сущности бесцельна и праздна. Праздность связывается с положением аристократа, у которого нет нужды заботиться о добычании хлеба насущного. В подобных прогулках никогда нет заранее установленного маршрута; маршрут формируется по мере продвижения по городу. Фланера ведет любопытство, его собственная прихоть. Поскольку прогулки фланера – явление первой трети XIX века, нельзя не отметить их гендерный аспект: это по преимуществу мужская практика, поскольку для женщины считалось неприличным выходить на прогулку в одиночку, «переживание анонимности в городе, быстротечные внеличностные контакты, описанные социальными комментаторами вроде Георга Зиммеля, возможности свободных от домогательств прогулки и наблюдения, вначале открытая Бодлером, а затем проанализированная Вальтером Беньямином, составляли всецело мужской опыт» [12, с. 90].

Однако литература дает лишь описательную сторону практик фланирования, с философских позиций они осмысливаются в исследованиях В. Беньямина. Исследуя практики фланирования, он обращается к такому явлению современной ему го-

родской жизни, как Пассаж (от фр. «le passage» – проход, переход). В работе «Сочинение о Пассажах», которая так и осталась незаконченной, он рассматривает новое творение архитектуры из стекла и железа, высказывая мысль о том, что пассаж и его эстетика конструируют новый образ субъекта. Пассаж представляет собой гибрид улицы и магазина: «Один из «Иллюстрированных путеводителей по Парижу» сообщает: «Эти пассажи, новейшее изобретение индустриального комфорта, представляют собой находящиеся под стеклянной крышей, облицованные мрамором проходы через целые группы домов, владельцы которых объединились для такого предприятия. По обе стороны этих проходов, свет в которых падает сверху, расположены шикарнейшие магазины, так что подобный пассаж – город» [2, с. 93]. В. Беньямин сближает синкретичную эстетику витрин пассажей с коллажами – изобретениями сюрреалистов. Вещи, находящиеся в витринах пассажей, начинают взаимодействовать немислимимым ранее образом, между ними конструируются совершенно новые связи. В этом почти магическом сочетании вещей, стеклянных витрин, освещения исчезает традиционное картезианское разделение на субъект и объект. Пассаж стирает четкие границы между улицей и помещением, внутренним и внешним, интерьером и экстерьером, пространство становится призрачным и эфемерным. В. Ермоленко в исследовании «Оповідач і філософ Вальтер Беньямін та його час» отмечает: «Перехожий, що йдучи вулицею, звертає в пасаж, втрачає свій «приватний» світ, свою психічну замкненість, свою нормальну самоідентичність» [5, с. 39]; субъект больше не принадлежит самому себе, теряет свою идентичность, он захвачен образами вещей, их отражениями в витринах, где все соединяется в причудливую сюрреалистическую фантазмагорию. Более того, пассаж, по замечанию О. Вайнштейн, становится местом, где торжествует консьюмеризм: «Именно в обманчивом пограничном переходе-пассаже совершается роковая метаморфоза фланера: он, прежде всего, становится потребителем и утрачивает «бальзаковскую неподвижность лица» [4]. Однако В. Беньямин идет дальше сюрреалистов и стратегии потребления и выбирает «стратегию эмансипации и пробуждения», связывая место с памятью. Ведь сама по себе стихия памяти противоположна стихии сна и фантазмагории. Память равносильна пробуждению, возвращению человека к самому себе. В «Берлинской хронике», говоря о школе и церемонии прощания с выпускниками, он пишет: «Здесь, как и в некоторых иных местах, я обнаруживаю прочно засевшие в памяти слова, выражения, строки, которые, сродни когда-то мягкой, но теперь застывшей массе, сохранили во мне оттиск моего столкновения с коллективом» [3]. Важно отметить, что память здесь связывается не столько с людьми, сколько с местом, во-вторых, речь идет о памяти в связи с коллективным эффектом: вспоминая о самом себе, мы неизменно вспоминаем других, выстраиваем систему связей и отношений с другими, что не позволяет субъекту замкнуться на самом себе. Таким образом, воспоминание выделяется из индивидуального сознания. В этой связи уместно привести слова Мориса Альбакса, с текстами которого В. Беньямин был хорошо знаком: «... chaque mémoire individuelle est un point de vue sur la mémoire collective, que ce point de vue change suivant la place que j'y occupe, et que cette place elle-même change suivant les relations que j'entretiens avec d'autres milieux. Il n'est donc pas étonnant que, de l'instrument commun, tous ne tirent pas le même parti. Cependant lorsqu'on essaie d'expliquer cette diversité, on en revient toujours à une combinaison d'influences qui, toutes, sont de nature sociale»¹ [1].

Центральным персонажем философии В. Беньямина становится не фланер-одиночка, а коллектив. Именно коллектив создает материальные формы, в которых, по замечанию

В. Ермоленко, «проектруется і матеріалізується колективне позасвідоме буржуазного суспільства» [5, с. 43]. Исследуя пассажи, панорамы, интерьеры, всемирные выставки, В. Беньямин говорит, что в них воплощены грезы современного ему буржуазного общества об изобилии, достатке, богатстве. В опыте потребления, пусть даже воображаемого, люди обретают иллюзорное единство и равенство. В таких условиях именно память (в частности историческая память – осознание себя как общности), которая противоположна забвению и иллюзии, становится своего рода пробуждением.

С 1980-х годов XX века этот интерес к практикам повседневности возрастает. Исследователь Б. Марков даже называет 1980 год годом рождения повседневности². Предметом гуманитарной (в большей степени социологической и культурологической) рефлексии становятся практики повседневной жизни, такие как фотографирование (Пьер Бурдьё и Люк Болтански «Фотография: среднее искусство»), разговорные практики (Нэнси Рис «Культура и речевая повседневность эпохи перестройки»), практики чтения и прогулок (Мишель де Серто «Изобретение повседневности»). Такой интерес во многом подготовлен тем, что, в отличие от С. Кьеркегора, Г. Зиммеля, Ж.-П. Сартра, дихотомично разделявших подлинное индивидуальное существование и неподлинную повседневную жизнь, появляются исследователи, которые возражают против неподлинности повседневности. Среди последних стоит назвать А. Лефевра и М. де Серто.

Французского философа, антрополога, представителя ордена иезуитов Мишеля де Серто сближает с Вальтером Беньямином допущение того, что «городские обитатели могут ежедневно оспаривать рациональность капиталистического города и даже сопротивляться ей» [12, с. 426]. Мишель де Серто уверен, что в практиках повседневности человек выступает не пассивным потребителем, а проявляет креативность. В своей работе «Изобретение повседневности» он посвящает целую главу осмыслению практики прогулок по городу. В качестве города, по которому совершается прогулка, он выбирает Манхэттен с интенсивным и давящим ритмом жизни. И для того, чтобы дистанцироваться от такого ритма, Мишель де Серто предлагает обозреть город с высоты птичьего полета, в частности с вершины ВТЦ. С такой высоты открывается возможность «читать» город как обширный текст и видеть тех, кто «пишет» этот текст, – его обитателей-практиков. Обитатели города организуют его пространство «вслепую» через множество повседневных практик. Такие пространственные практики как бы оплетают город невидимой сетью. Эти практики Мишель де Серто называет «тактиками». «Тактики» противостоят «стратегиям», которые связаны со структурами власти, с навязыванием порядка. Если рассматривать город стратегически, то он превращается в концепт, порожденный институциональными системами, которые стремятся его картографировать и рассмотреть как единое целое с высоты птичьего полета. В противоположность организующим «стратегическим» силам возникают «тактические»: «Под покровом идеологизирующих город дискурсов множатся иные силы – они хитрят, ускользают, вступают в союзы; их трудно идентифицировать, понять, ухватить – поэтому они не поддаются управлению» [10, с. 195]. «Тактики» не являются рутинными ежедневными повторениями, но являются ответной реакцией – приспособлением к тому, что навязано извне. Если стратегии связаны с глобальными и длительными целями, то тактики носят более ситуационный характер и связаны с более определенными и конкретными задачами. Когда мы передвигаемся в пространстве города, мы всегда несем в себе воспоминания, и в той части города, где мы длительное время обитаем, фиксируются моменты нашей личной биографии; мы выделяем значимые для себя места:

¹ «Каждое личное воспоминание является составной точкой в коллективной памяти; и в каждой из этих точек содержатся места, даты, и связи с другими людьми. Вся коллективная память состоит из таких точек. И когда мы пытаемся объяснить особенности коллективной памяти, мы неизменно возвращаемся к этому многообразию влияний, имеющих социальную природу» (пер. – Е.И. Ергеева).

² А. Марков в работе «1980: год рождения повседневности» рассматривает события переломного года холодной войны сквозь призму книги Мишеля де Серто «Изобретение повседневности», вышедшей в том же году. По мнению автора, 1980 год стал годом изобретения современной повседневности, которая любое изобретение превращает в «гаджет», а любую экономическую деятельность – в «инновацию».

«Память – это прекрасный принц: он будит Спящую Красавицу наших бессловесных рассказов: «вот *здесь* когда-то была будущая», «вон там жила мамаша Дюпюи» [10, с. 200].

Е. Трубина справедливо замечает, что воспоминания и предвосхищения вплетены в пространственный опыт и «повседневные» практики, делая каждого из нас носителем более «длинного» времени.

Канадская исследовательница, социальный антрополог Татьяна Ричардсон провела полевое исследование, в котором изучала прогулки по Одессе, проводимые опытным гидом и историком для небольшой группы одесситов. Каждое воскресенье в определенное время на заранее указанном месте собирается небольшая группа людей. Под рассказ экскурсовода о старых домах и памятниках, они гуляют по выбранной улице, заходят в одесские дворы, разговаривают с жителями и т. д. По мнению Т. Ричардсон, такие прогулки помогают ощутить город как место: «Место ощущается сильнее всего, когда оно становится объектом размышлений» [9, с. 140].

В подобных прогулках, сопровождаемых общением и диалогом между участниками, происходит воскрешение прошлого и формируется «ощущение места». История выступает не как отвлеченная наука, а обретает плотность через предметы, руины, памятники, дома. Здесь уместно привести слова Мишеля де Серто, которые точно передают характер и суть подобных прогулок: «Места – это фрагментарные, обращенные внутрь истории <...>, накопленные времена, которые можно развернуть, но как истории, которые держат про запас, они остаются в состоянии загадки» [10, с. 206].

Такие прогулки позволяют участникам не только ощутить место и саму историю, но также актуализировать стихию памяти человека. Через ландшафт, архитектуру и диалог происходит пробуждение личных воспоминаний. Соответственно, прогулка выступает не просто как знакомство с объективными данными истории, но вовлекает человека экзистенциально.

Если прибегнуть к терминологии Мишеля де Серто, то прогулки по городу клуба «Моя Одесса», исследуемые Т. Ричардсон, и являются своего рода «тактиками», в которых происходит освоение городского пространства и актуализируется личная история человека.

Устная история (беседы с жителями дворов, с очевидцами тех или иных событий), память связаны с процессами формирования идентичности. Подобные рефлексивные прогулки, затрагивающие экзистенциальные аспекты человеческого существования, становятся своего рода практикой формирования своего «Я», собственной идентичности, тем самым делая человека свободней от разрушающих влияний современной цивилизации. Подобные прогулки могут рассматриваться как альтернатива бунту, митингам и городским протестам, посредством которых человек пытается проявить свою свободу.

Прогулка становится значимым биографическим опытом, в котором происходит встраивание мест, значимых с точки зрения коллективной памяти, в индивидуальную память. Здесь осуществляется переход от предварительного знания к непосредственному впечатлению, которое подвергается последующей рефлексии. Весь этот опыт сопровождается сначала переживанием, затем – переживанием ностальгии. Именно переживание оказывается здесь ключевым. Прогулки становятся фактором формирования внутренней идентичности, которая, в отличие от внешней, основанной на подражании, соотносится с определенной основой и выражает причастность к общему основанию. Если в конце XIX – начале XX веков Г. Зиммель и М. Вебер замечали, что жизнь в больших городах способствует ослаблению идентичности человека, то сегодня мы можем сказать, что формирование идентичности может происходить через освоение городского пространства и практики городских прогулок, актуализирующих память человека.

Литература

1. Maurice Halbwachs. La mémoire collective / Maurice Halbwachs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://classiques.uqac.ca/classiques/Halbwachs_maurice/memoire_collective/memoire_collective.pdf.

2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / В. Беньямин. – М. : Медиум, 1996. – С. 92–120.

3. Беньямин В. Берлинская хроника / В. Беньямин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=78199>.

4. Вайнштейн О. Три этюда о денди / О. Вайнштейн // Иностранная литература. – 2004. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/6/van7.html>.

5. Єрмоленко В. Оповідач і філософ Вальтер Беньямін та його час / В. Єрмоленко. – К. : Критика, 2011. – 280 с.

6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3 (34). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>.

7. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – 357 с.

8. Николаи Ф. Антропология как ностальгия: на перекрестках прошлого и настоящего / Ф. Николаи // НЛО. – 2015. – № 4 (134). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/4/28n-pr.html>.

9. Ричардсон Т. Калейдоскопическая Одесса: История и место в современной Украине / Т. Ричардсон. – University of Toronto-press, 2008. – 283 с.

10. Серто де М. Изобретение повседневности / М. де Серто. – СПб. : Издательство европейского университета, 2015. – С. 185–211.

11. Топоров В.Н. Из истории русской литературы : в 2 т. / В.Н. Топоров. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – Т. 2 : Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. – 2007. – 912 с.

12. Трубина Е. Город в теории / Е. Трубина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 503 с.

Аннотация

Ергеєва Е. И. Прогулки по городу: вечное в повседневном (анализ опыта). – Статья.

В статье рассматривается такая практика повседневности, как прогулка по городу. Акцентируется внимание на взаимосвязи данной практики с индивидуальной и коллективной памятью. Выделяется влияние данной практики на формирование идентичности современного человека через стихию памяти. Исследователь фиксирует внимание на работах В. Беньямина (поскольку именно в его работах данная практика получает философское осмысление), М. де Серто и Т. Ричардсон. По мнению автора, в работах указанных исследователей заложены предпосылки для осмысления практик прогулок в их взаимосвязи со стихией памяти человека.

Ключевые слова: город, практики, прогулка, память, идентичность.

Анотація

Ергеєва К. І. Прогулянки містом: довічне в повсякденному (аналіз досвіду). – Стаття.

В статті розглянуто таку практику повсякденності, як прогулянка містом. Акцентується увага на взаємозв'язку цієї практики з індивідуальною й колективною пам'яттю. Виділяється вплив цієї практики на формування ідентичності сучасної людини через стихію пам'яті. Автор фіксує увагу на роботах В. Беньяміна (оскільки саме в його роботах ця практика отримує філософське осмислення), М. де Серто і Т. Річардсон. На думку автора, у роботах зазначених авторів закладено передумови для осмислення практик прогулянок у їхньому взаємозв'язку зі стихією пам'яті людини.

Ключові слова: місто, практики, прогулянка, пам'ять, ідентичність.

Summary

Iergieieva K. I. Walking the city: the eterne in everyday life (the analysis of experience). – Article.

In the article the author considers such practice of everyday life as the walk around the city. The author stresses on the relationship of this practice with collective and individual memory. The impact of this practice on the forming of human identity of modern people through the memory is being studied. The author has paid attention to the works of Walter Benjamin (because this practice was considered from philosophical side in his works), Michel de Serreau and Tatiana Richardson. According to the author the works of these philosophers form the background for understanding practices of walking in their correlation with human memory.

Key words: city, practice, walking, memory, identity.